

Олег Северюхин

Кольцо приключений

Книга 1. Кольцо фараона

Олег Северюхин

**Кольцо приключений.
Книга 1. Кольцо фараона**

«Издательские решения»

Северюхин О. В.

Кольцо приключений. Книга 1. Кольцо фараона /
О. В. Северюхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741480-1

Студент-историк Владимир получает в наследство от умершего дяди серебряное кольцо, при помощи которого можно перемещаться во времени. Изучая кольцо, Владимир оказывается во Франции 1915 года и становится летчиком. Весной 1917 года Владимир лейтенантом французской армии приезжает в революционную Москву и встречается со своим дядей. Затем Владимир перемещается в Украину 1651 года. Будучи писарем в канцелярии гетмана Хмельницкого, участвовал в подготовке и проведении Переяславской Рады.

ISBN 978-5-44-741480-1

© Северюхин О. В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Глава 10	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Кольцо приключений

Книга 1. Кольцо фараона

Олег Северюхин

Иллюстратор Олег Васильевич Северюхин

© Олег Северюхин, 2023

© Олег Васильевич Северюхин, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4474-1480-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Северюхин Олег

Глава 1

Он умирал, а я не верил. Мой товарищ детских игр. Младший брат моего отца, заменивший его после смерти. Отчаянный выдумщик и фантазер. Нелепый человек в наше бездушное и бескультурное время. Дон Кихот и Дон Жуан, д'Артаньян и Айвенго, капитан Блад и Афанасий Никитин, все это так причудливо сочеталось в одном человеке, что все были очарованы его обаянием и считали полоумным романтиком, родившимся не в этом веке.

И сейчас он умирал, а я был его единственным родственником. Он жил в крохотной однокомнатной квартирке, совершенно один и самой дорогой вещью в его квартире была причудливая пепельница из чешского хрусталия, хотя мой дядя не курил. Телевизор он не смотрел и его микротелевизор со странным названием «MATERIN» включался в последний раз года два назад и то мной, когда мне пришлось ночевать в его комнатке.

Мой дядя совершенно не страдал от того, что у него не было материального достатка. Деньги как приходили к нему, так и уходили. Я даже не могу сказать точно, работал ли когда-то мой дядя, хотя в свое время он окончил исторический факультет нашего пединститута. Кажется, какое-то время он работал учителем в школе, но потом бросил преподавание, ездил в экспедиции, общался с людьми, похожими на него, имел связи в антикварных кругах и через него нередко проходили очень дорогие раритеты, но деньги у него не держались. Ушла и невеста. Дядя мне показывал ее. Солидный человек, директор школы. Все-таки не прошла ее девичья любовь, потому что когда она увидела его, то зарделась вся и быстро ушла.

Я не так часто общался с дядей, но каждая встреча с ним была для меня событием. Хотя я был в основном откровенен со своими родителями, но по особо важным вопросам я шел советоваться к дяде. Он не навязывал своего мнения, но давал возможность самому принять то или иное решение, рассказывая то одну, то другую поучительную историю.

— Когда я был дервишем в Самарканде, — сказал как-то он, — я понял одну важную истину — никогда не надо торопить события. Если заставить персик созреть раньше срока, то персик будет красивым, но невкусным и так же рано он сгниет, потому что не будет востребован людьми. Иногда нужно подождать для того, чтобы понять, насколько важная проблема стоит перед тобой. Если через какое-то время она не потеряет своей важности, то этой проблемой действительно нужно заниматься. Но чаще бывает, что через какое-то время казавшийся важным вопрос превращается ни во что, он никого не волнует и никому не нужен. Точно так же нельзя бегом бежать к куску хлеба, чтобы схватить его раньше других — там может оказаться яд.

От дяди я учился тому, как вести себя в обществе и как быть джентльменом, не объявляя об этом во всеуслышание. Надо мной смеялись друзья, посмеивались девушки, но я старался быть тем, кем хотел видеть меня дядя и, кажется, преуспел в этом: меня тоже стали называть человеком из прошлого века. И я не жалею об этом, потому что если вспомнить мою не такую длинную жизнь, то мне почти не приходится краснеть за мои поступки.

Я сидел рядом с кроватью дяди и старался отвлечь его разговорами. Рассказывал ему, что у нас по программе истории России, кто преподает, что интересного в нашей студенческой жизни.

Под влиянием рассказов дяди и я поступил на исторический факультет в пединститут с одновременным углубленным изучением китайского языка. Что это, гены? Или судьба, но мне всегда казалось, что человек, знающий историю своего рода, народа, города, государства, других государств, знающий иностранные языки и понимающий чувства других народов, никогда не будет делать ошибок в своей жизни или в работе, связанной с управлением страной.

Конечно, это детское рассуждение. Все наши цари и генсеки с помощью высокоученных наставников изучали историю, иностранные языки, но совершали такие же ошибки, как будто понятия не имели об истории государства. Так для чего нам нужна история?

Сейчас я не смогу точно ответить на этот вопрос. Узнать, что мы произошли от обезьян и гордиться тем, что у нас нет хвостов? Кривляемся мы совершенно сознательно и нас за это не садят в клетки для показа такой же кривляющейся публике за деньги. Гордиться тем, что мы режем хлеб стальными ножами, а для еды пользуемся вилкой и ножиком, хотя птицу все равно едим руками? Конечно, суть истории не в этом, но любая наука должна нести какую-то пользу человеку. Не бывает науки ради науки, так же как не бывает искусства ради искусства. И то, и другое должно чем-то помочь человеку стать лучше или, используя научные достижения, совершить рывок в техническом прогрессе, или своим трудом понравиться кому-то и завоевать сердце красавицы...

— ... слушай внимательно, — перебил меня слабый голос дяди. — У меня нет других наследников, кроме тебя. Все это рухлядь, которую нужно выкинуть. Я мог быть богаче графа Монте-Кристо, но я знаю, в какой стране я живу и знаю, что богатство у нас сродни горю, а не счастью. Стоит у кого-то появиться копейке, как откуда ни возьмись, его осаждают толпы стражущих. Они не ударили палец о палец для заработка, но считают, что ты должен поделиться со всеми.

Этого нет ни в одной стране мира, даже в диких племенах Африки и Азии. Богатый человек должен тратить свои деньги на свою личную защиту и на защиту своего богатства вместо того, чтобы богатство давало жить и другим людям.

Я оставляю тебе только старую записную книжку и вот это колечко. Колечко береги пуще своего ока. Книжку можешь и потерять, трагедии от этого не будет, хотя в ней зашифрованы места трех довольно больших кладов. Любой клад обеспечит безбедную жизнь до самой смерти тебе и любому количеству твоих потомков. Да вот только неизвестно, на пользу ли пойдут эти богатства. Думай сам. Может быть, я просто был не прав, закопав свои таланты в землю и не пустив их в дело на благо семьи.

Я не сожалею о своей жизни. Прожил ее так, как Бог дай каждому или не дай Бог каждому. Колечко сразу надень на палец, никогда не снимай его и никому о нем не рассказывай, особенно женщинам. Не может быть никого, кому можно доверить эту тайну, кроме своего единственного наследника.

Помнишь сказку «Аленкий цветочек»? Чудище лесное дало купцу колечко, которое стоит повернуть камешком вниз, и сразу вернешься туда, откуда прибыл. Это колечко такое же. Мне его дал странный человек, которого я нашел в лесу неподалеку от места раскопок городища, ты знаешь, где это городище, и который умер у меня на руках. Где я только не побывал за это время. Я прожил такую длинную жизнь, которая не уместится ни в какую книгу.

Все, что я рассказывал, была правда, но мне никто не верил. Приготовься к тому, что и тебе не будет веры. Если будешь к этому относиться спокойно и сможешь легализовать свои знания, то ты будешь знаменитым человеком. Не разбрасывайся, как я. И еще скажу, не верь никаким партиям, особенно тем, кто обещает построить общество счастья и социального равенства. Это самые опасные партии. Это те же кровожадные ацтеки и майя, которые бездумно приносили жертвы и лили безвинную кровь для построения общества Солнца...

Я слушал его, и мне казалось, что я уже где-то слышал это.

Вдруг я почувствовал, как слабеет державшая меня рука дяди, падая безвольно вниз. Я потряс его за плечи, послушал биение сердца, но ничего не услышал.

Приехавшая «Скорая помощь» зафиксировала факт естественной смерти и увезла старика с собой, оставив адрес, по которому я смогу забрать его для погребения.

Глава 2

Через неделю после похорон я переехал на квартиру дяди. Мама моя не возражала. Я уже человек взрослый и должен жить отдельно. В этом году оканчиваю институт и должен определиться со своим будущим.

Рухлядь всю я выкинул. Наших с мамой сбережений хватило, чтобы купить простенькую мебель в квартиру.

Колечко я надел на безымянный палец левой руки и носил постоянно. Оно мне пришлось впору и совершенно не мешало. Простенькое тоненькое серебряное колечко в виде змейки с зелененьким камешком на месте глаза.

Вечерами я сидел и рассматривал записи в записной книжке.

Один рисунок особенно привлек мое внимание. Похоже, что это была схема расположения чего-то.

Нарисован перекресток, в центре которого изображен прямоугольник. Прямые углы, образовавшиеся от пересечения двух дорог, поделены линиями, заканчивающимися крестиками и в образовавшихся углах написаны цифры: 4 и 7, 8 и 6 (в этом углу был нарисован серп с молотом), 6 и 5, 3 и 5.

И все. Я стал пробовать искать закономерность в цифрах. Что они обозначают? Величину углов или значения тригонометрических функций? Все очень сложно или все очень просто? А попробуем арифметику. $4+7=11$. На противоположной стороне $6+5=11$. Так, что-то уже есть. $8+6=14$ и $3+5=8$. Ну и что? А вот что. $11+11=22$ и $14+8=22$. Это уже вроде ключа получается. 22 и 22 может говорить о том, что в центре рисунка не прямоугольник, а квадрат. Ведь квадрат – это тоже прямоугольник, у которого все стороны равны по 22. По 22 чего? Метра, сантиметра, миллиметра? Нет и здесь ничего нет. Все это ерунда. Нужно брать схему города и сравнивать со схемой. Только какого города схему нужно брать?

Я осмотрел комнату дяди полностью и ничего не нашел. Вроде бы все просто, но подсказок никаких нет.

Ночью мне тоже ничего не приснилось. Это только в сказках ночью снятся подсказки решения загадок.

Схему я заучил наизусть. А вдруг это нумерация домов? Если это так, то эти дома находятся в центре. Если не в центре, то в начале улицы. Но какая же улица? Хорошо, пусть я найду эту улицу, что я буду вскрывать дорогу в центре перекрестка? Кто мне это разрешит? Кто мне разрешит остановить движение на улице? Это вообще нонсенс.

Все, кто говорит, что они, где хотят, там и копают землю, это либо хвастуны, либо люди, которые ни разу не натыкались на электрические кабели или другие коммуникации. Нет, я не представляю, как воспользоваться чертежом, чтобы найти что-то.

Даже, если клад спрятан в доме, что мне дом разрушать? Нет, это мистификация. Я человек в целом рациональный и заниматься ерундой не буду. И книжку дяди я забросил в дальний ящик, потому что ничего интересного я там не нашел. Были там еще пара схем, но и в них я ничего не понял.

Весна в этом году выдалась знатная. Мгновенно растаял снег и все газоны превратились в помойки. Люди высокой культуры зимой спокойно игнорировали мусорные урны и бросали мусор в соответствии со своим культурным уровнем. Весной этот культурный уровень и вытаял. Честно говоря, мне стыдно за наш город, за наших горожан. Я не думаю, что наши далекие предки точно так же бросали мусор. Хотя, все может быть. Люди древние, с канализацией знакомы не были, но уж отхожие места устраивали в положенных для этого местах, а не гадили там, где захочется.

Как начинается весна, так все сразу вспоминают о ленинских субботниках. Даже во времена послеленинские участие в субботниках было добровольно-принудительным.

О студентах на субботнике даже и не говорят, это как бы само собой разумеющееся: вот вам лопаты, метлы и метите отсюда и до обеда.

И мы пошли мести. По улице Пролетарской. От церкви и до центральной улицы. С Пролетарской улицы нет выезда на центральную магистраль. Знак – «кирпич». Я подметал улицу и автоматически думал о том, что серп и молот это пролетарский символ. На пересечении Пролетарской улицы с центральной магистралью стоят четыре старинных двухэтажных дома из красного кирпича. То ли ремонтировать их хотят, то ли сносить, но все четыре дома стояли одиноко, сверкая глазницами выбитых окон.

Один дом имел номер 8 по улице Пролетарской и номер 6 по центральной магистрали. На противоположной стороне стоял такой же дом с номером 7 по Пролетарской улице и номер 4 по центральной магистрали. У меня даже сердце заколотилось. Это то самое место. Я с трудом дождался конца субботника и «смыканул» от традиционного обмывания результатов работы. Сказался, что нужно бежать к матери и понесся в церковь.

По слухам субботника в церкви стояли десятка полтора старушек и усердно молились. Я взял свечку и пошел к образу Святого Николая угодника. Поставил свечку в один из свободных подсвечников и сказал:

– Поддержи, Святый, меня в сомнениях моих. Знаю, что не может быть того, о чем я думаю, но то, что я видел, ввергает меня в сомнения. Если существуют чудеса, то дай мне знак какой-нибудь.

И вдруг, словно ветерок откуда-то подул, и заметалось, запрыгало пламя на моей свече, а все другие свечи горели ровно и ярко. И моя свеча гореть стала тоже ярко и пламя метаться перестало.

– Спасибо, – сказал я и вышел на улицу.

Подойдя к дому, отмеченному серпом и молотом, я стал внимательно осматривать стены. Все вроде бы нормально. Кирпичи как кирпичи. Но цифры восемь и шесть – это не только номер дома. Восьмой кирпич от фундамента по углу вверх и шесть кирпичей вправо от угла. Какой-то нестандартный кирпич и немного шатается, если его пошевелить. Ключами от дверей я выковырял часть цемента и, обламывая ногти, с трудом вытащил кирпич. Оглядываясь по сторонам, будто что-то украл, я завернул кирпич в куртку и понесся домой, благо жил недалеко. Надо же. Жил недалеко, а никак не мог додуматься, что клад был рядом. А клад ли это? Может, это плод моего больного воображения и несу я простой кирпич, который кирпичом так и останется.

Глава 3

Моя «добыча» представляла собой клейменный двуглавым орлом кирпич-сырец. Потряс уха – не звенит, не звякает. И зачем мне этот кирпич? Начал внимательно осматривать. Торец, выходивший на улицу, ровный, монолит, а противоположный торец неровный, будто кто-то рукой замазывал его.

Постучал молотком. Крепко. Стукнул очень сильно, и сразу замазка немного провалилась внутрь, трещиной обозначив ее пределы. При помощи отвертки мне удалось вытащить куски глины, которой было замазано отверстие, и я увидел кусок холстины, потемневшей от времени, но сухой.

В холстину было завернуто что-то тяжелое. Развернув ее, я увидел потемневшие от времени погоны штабс-капитана, ордена Святого Георгия 4 степени и Святого Владимира 4 степени с мечами и с бантом, десять золотых пятирублевиков 1822 года и документ, что штабс-капитан такой-то за heroизм награжден золотым оружием. И фамилия, имя и отчество – моего покойного дяди. А ведь он рассказывал, как участвовал в Первой мировой войне, дослужился до штабс-капитана, стал георгиевским кавалером. Все родственники смеялись над ним и считали местным шутом. Сейчас мне стало стыдно за то, что мы все ему не верили. И я это все никому не покажу, чтобы и меня тоже не посчитали сумасшедшим.

Один пятирублевик я продал нумизматам и выручил за него сумму, много большую, нежели мне дали бы, если бы я сдал ее в скупку золота. Скажу, что мне на многое хватило денег, в том числе и на абонирование отдельной ячейки в банке.

Кладоискательство – дело занятное, но дядя давал понять, что это лишь на крайний случай. У студента немного возможностей для заработка. Если только устроиться дворником по совместительству, собирать и сдавать бутылки, сесть на телефон и выдавать себя за посредника в продаже различного вида техники, но таких посредников «кидают» в девяности девяти случаях из ста. Торговать наркотой? Себе дороже. Либо сам на иглу сядешь, либо специально подсадят, либо конкуренты замочат «передозом».

Стипендии не хватит никакому, даже по милиграммам рассчитывающему свою жизнь студенту. Деньги мне нужны на жизнь, но уж никак не на посещениеочных клубов и дискотек. Эти заведения не что иное как форма современной шизофрении. Я никогда не положу свой глаз на девчонку, которая тащится от таких дискотек. Мне нужна спутница жизни, мать моих детей, а не пустоголовая кукла со звоном музыки в ушах.

Мои взгляды ни для кого не были тайной и меня за глаза называли «Пуританин». Если я пуританин, то какие же были пуритане на самом деле? Да, не завидую я молодежи, которая жила в пуританское время.

Честно говоря, вопросы развлечений у меня были на последнем месте. Да как могло быть иначе, если на носу защита диплома, а тема сформулирована мною, не без участия дяди: «Первая мировая война как Отечественная война русского народа».

– Ну-ну, – сказали в деканате, – посмотрим, что у вас получится. Что это за Отечественная война во время империалистической бойни?

В нашей стране какие бы перестройки не проходили, а дело Ленина-Сталина в исторической науке живет и процветает. Почему-то все войны, которые велись до революции, считаются несправедливыми и империалистическими. Исключение сделано для войны 1812 года и то только в части сражения при Бородино. Войны после революции – справедливые за счастье народов тех стран, где тайно проливали свою кровь и гибли наши солдаты и офицеры.

Собственно говоря, участие России в первой мировой войне имело те же цели, что и в 1854—1855 годах, когда Англия и Франция совершили интервенцию в Крыму. И сейчас

Россия, как напившаяся допьяна баба с обидевшими ее кавалерами пошла под ручку в другой кабак. Никогда Англия и Франция не были и не будут союзниками России.

Война могла быть, но скорее всего, она бы завершилась достижением перемирия между Российской и Австро-Венгерской империями и защитой интересов славян на Балканах, но болгарские «братушки» выступили против России. И еще выступят. И другие «братушки». Только уже в составе Североатлантического блока во главе с США.

Россия как была сама по себе Россией, так и останется. Если уж куда-то и ввязываться, то только с пользой для России и для приобретения боевого опыта. Пусть обходятся без нас, а мы должны блюсти интересы своего государства.

Все-таки, дядя мой чего-то напутал и меня с панталыка сбил. Вероятно, придется изменять тему дипломной работы. Да, а колечко интересненькое. Вроде бы и проба на колечке есть. Я взял из ящика маленьку лупу и поднес ее к глазам, стараясь рассмотреть кольцо на сгибе безымянного пальца. Так смотреть неудобно, перевернем колечко клеймом вверх. Только я перевернул кольцо, как в глазах у меня потемнело и я почти ничего не видел вокруг. Я лежал на грубой деревянной кровати, на столике рядом горела свеча в фигурном подсвечнике.

В дверь постучали.

– Мсье, а вэ ву фэ?

Что такое? Похоже на французский язык, но почему я нахожусь не в своей комнате? Я встал, подошел к двери, отодвинул защелку и открыл дверь.

В длинном коридоре было еще шесть-семь дверей. У моей двери стояла миловидная девушка в светло-синем платье, передничке и кокетливой кружевной белой наколочке на голову:

– Мсье, а вэ ву фэ?

И посмотрев еще раз на меня, убежала.

Странно. Испугал я ее, что ли?

Я сел на кровать и стал осмысливать ситуацию. Где я? Почему я очутился в этой комнате с грубой мебелью. Какой-то неприятный запах, то ли от свечки, то ли из кухни. А, может, я просто сплю, и мне все это снится?

Внезапно дверь резко открылась и в комнату вошли двое полицейских с револьверами. Судя по форме – черные каскетки с козырьками, развевающиеся накидки выше колена и не наши револьверы – французские «ажаны».

Меня стали спрашивать, но я ничего не понимал. В разговоре я вдруг услышал слово «бош». Да так же французы называли немцев. Когда я сказал по-немецки: «Ich bin nicht bosch», меня свалили на кровать, завернули назад руки и еще поддали по бокам, но я продолжал кричать: «Ich bin nicht bosch, ich bin russisch.» Наконец, меня остарили в покое и старший из полицейских, указывая на меня револьвером, спросил: «Russisch?» И я как полиглот закивал головой и сказал: «Йес, йес». Полицейский снова спросил: «Inglisch?», на что я ответил: «Но, но, руссиш». Полицейские, так и не добившись ясности, отвели меня в полицейский участок. Там со мной пробовали говорить по-немецки, по-английски, но все безрезультатно. Что-то я совершенно не обращал внимания на изучение иностранных языков, считая, что историку достаточно знания русского языка. Боже, как я был неправ.

К вечеру меня посадили в темную комнатушку и дали фаянсовую кружку кофе и кусок черного хлеба.

Глава 4

Утром меня снова напоили достаточно жидким кофе и дали кусок хлеба, намазанный, похоже, сливочным маслом. Правда, привкус у этого масла был какой-то сальный.

Часов в десять меня привели в кабинет, где сидел мужчина во французской офицерской форме и человек в российской военной форме в чине капитана: серебряный погон с одним просветом и вензелем как будто Николая Второго. Если так, то это флигель-адъютант.

– Вы меня понимаете? – спросил капитан.

– Да, понимаю, – ответил я.

– Кто вы такой, как попали сюда и что за странная одежда на вас? – спросил капитан.

– Ничего странного на мне нет, – пожал я плечами. – Я студент, исторический факультет пединститута в Энске…

– Что, в Энске есть пединститут? – удивился офицер.

– Есть, – подтвердил я.

– Извините, милостивый сударь, – сказал мой собеседник, – давно за границей, не знал, что открыли такой. И что вы здесь делаете?

– Да я, знаете ли, путешествую..., – начал говорить я.

– Как вы путешествуете? – удивился капитан. – Вы знаете, что идет война?

– Не знаю, – признался я.

– Как не знаете? Вы знаете, какое сегодня число? – продолжал спрашивать офицер.

– Не знаю, – честно сказал я.

– Сегодня 17 июля 1915 года, – сказал капитан, подняв вверх палец для придания значительности сказанного им.

– Так, июль 1915 года, – начал я проговаривать как бы для себя. – Значит, в войне уже участвуют Япония, Италия, Турция, через месяц на стороне Германии выступит Болгария...

– Да как вы смеете клеветать на наших традиционных союзников? – офицер резко встал со своего стула. – Все, идемте со мной.

Мы вышли на улицу. Вероятно, капитан решил все вопросы с французскими властями, и я сейчас находусь в его распоряжении.

– Откуда вы такой взялись? – отчитывал меня капитан. – Ничего не знали и вдруг начали перечислять, кто уже участвует в войне. Вы не нелегальный сотрудник Генштаба? Нет. Какие языки вы знаете? Никакие. Да кто же вас учил? Почему вы такой странный? Знаете все и не знаете ничего. Как мне вас представлять послу? А, может, вы просто шпион?

– Ну, что вы, господин капитан, – сказал я со всей чистосердечностью, – просто я из своего времени почему-то попал в ваше. И то, что вы говорите, все правильно. Если вы мне поможете освоиться с этим временем, то я просто пропаду один в незнакомом месте и среди незнакомых людей.

– Странные вещи вы говорите, – капитан посмотрел на меня с сомнением и удивлением. – Такого не может быть по определению. Нельзя перескакивать из одного времени в другое время. Чем вы можете это доказать?

Я порылся в карманах. Шаром покати. Нет. Нашел копейку. Капитан посмотрел на нее и сказал:

– Ну и что? Копейка как копейка. Правда, я таких не видел. Святой Георгий. Оформление неплохое.

– Хорошо, посмотрите на мои часы. Что вы скажете? – спросил я, снимая часы с руки.

Капитан взял в руки мои старенькие электронные часы с надписью Nokia. Подарок фирмы при покупке мобильного телефона.

— Интересно, — офицер с любопытством рассматривал часы. — Какие маленькие и удобные часы. Вероятно, швейцарские, умеют часы делать, шельмы. Сравните с моим золотым «Брегетом» на цепочке?

— Господин капитан, это электронные часы, — сказал я. — Они работают на маленькой батарейке и их механизм в десятки раз меньше самого корпуса. Есть у вас перочинный ножик?

Капитан достал из «пистончика» брюк небольшой перочинный ножик, открыл одно лезвие и протянул мне. Я открыл заднюю крышку часов и показал механизм и кадмиево-никелевую батарейку. Ширпотреб. Капитан был просто удивлен.

— Знаете что, вы поживете пока у меня, — сказал он. — Я с вами займусь французским языком, а потом мы решим, что с вами делать. Плата за мои услуги — вы будете рассказывать мне о том, как вы жили в ваше время. Я знаю, что мне никто не поверит, но интересно послушать. Договорились, сударь?

— Договорились, — сказал я, просто не веря в то, что мне попался человек с развитым воображением и отсутствием характерных в то время предрассудков.

— Идемте-с, — сказал офицер и открыл передо мною парадную дверь достаточно богатого дома.

Капитан снимал трехкомнатную квартиру на третьем этаже четырехэтажного дома с балконами. Балкона в квартире не было, зато одна дверь открывалась прямо на улицу, и выход был загорожен ажурной металлической решеткой. Создавалось ощущение, что это тоже балкон и человек мог помахать рукой прохожим, приветствуя их в погожий июльский день.

— Располагайтесь, — сказал хозяин. — Вот здесь умывальник. Воду расходуйте экономно, потому что водопровод не работает, но скоро его починят. Есть канализация, а, значит, туалет в квартире. Вы туалетом пользоваться умеете?

Посмотрев на мое укоризненное лицо, капитан извинился и продолжил знакомить меня с квартирой.

— Спать будете на диване, — он указал на диванчик с фигурной спинкой. — На керосинке можете приготовить себе чай. Сахар здесь. Можете попить чай с вареньем. Из России прислали. Земляничное. Устраивайтесь, а я пойду в присутствие. Вернусь часа через два, и мы пойдем вас одевать. А сейчас, если не сильно устали, возьмите русско-французский словарь и попробуйте выучить французский алфавит.

Капитан ушел. У меня было столько впечатлений, что я не чувствовал ни усталости, ни голода. Открыл словарь. Интересно обозначен французский алфавит.

A — анатоль, B — бэрт, C — сэлестэ, D — дэзирэ, E — эмиль, F — франсуа, G — гастон, H — анри, I — ирма, J — жозэф, K — клебэр, L — луи, M — марсель, N — николя, O — оскар, P — пьер, Q — кэталь, R — рауль, S — сюзан, T — тэрэз, U — урсуль, V — виктор, W — вильям, X — ксавье, Y — ивон, Z — зэ.

Интересно. Немецкий алфавит я знаю. Порядок букв помню, а названия сейчас выучу.

Капитан пришел через два часа.

— Господин капитан, я готов сдать экзамен по знанию алфавита, — доложил я.

— Начинайте, сударь, и зовите меня просто Николай Иванович, — сказал хозяин квартиры. — Так будет проще. Ну что же, алфавит вы знаете, думается, что и язык пойдет легко, а сейчас пойдемте в магазин.

— С удовольствием, — согласился я. — А меня можете называть Владимиром.

Глава 5

Одели меня по-полувоенному: клетчатая кепка с клапанами, шерстяной серый пиджак, джемпер с рубашкой, брюки «а ля женераль галифе» и коричневые ботинки с крагами. Я мог быть кавалеристом, механиком автомобиля или гонщиком мотоцикла. Любая специальность военная. Я поблагодарил Николая Ивановича и отдал ему пятирублевик 1822 года.

Николай Иванович задумчиво повертел его в руках и сказал:

– Знаете, а я поверю, что вы из другого времени, потому что монета эта достаточно редкая и в наше время. Она хорошо сохранилась, и патина на монете показывает, что она лежала где-то очень и очень долго. У меня у самого есть небольшая коллекция монет, но таких древних по внешнему виду нет. Спрятайте эту монету. После войны сочтемся.

Французский язык «пошел» у меня сравнительно легко. Пусть простят меня французы, но я не нашел мелодии в их языке и не скажу, что это язык любви. Язык сюсюкания – да. И я не пойму русских дворян, которые так обожали этот язык, что по-русски говорили с акцентом. Те, кто не любят свою родину, поступают именно так. Мои соученики тоже старались показать знание иностранного языка, стихи писали на английском. Спросил я одного американца, учившегося у нас по обмену, о художественных достоинствах этих стихов.

– Владимир, можно я ничего не буду говорить по этому вопросу, чтобы вас не обидеть, – ответил он мне.

Комментарии излишни.

Николай Иванович прекрасно говорил по-французски и пытался передать мне музыку языка, но не преуспел в этом деле, хотя в области изучения иностранного языка он оказался настоящим тираном. Я знаю, что такое интенсивный курс иностранного языка, но я ежедневно зазубривал по двадцать пять-тридцать слов и еще должен составлять предложения с этими словами. Представьте себе такое предложение: «Жэспэр кова котинюэ тужур авэксюксэ нотре коляборась». Всего-то обозначает, что я «надеюсь на продолжение нашего плодотворного сотрудничества» (J'espere qu'on va continuer toujours avec succès notre collaboration).

Через месяц я уже общался на бытовом уровне, а еще через месяц Николай Иванович сказал, что меня нужно пристраивать к делу, то есть к войне. Что я умею делать? Я не умел делать совершенно ничего кроме как водить автомобиль, мотоцикл. Еще я занимался в аэроклубе и совершил два самостоятельных полета на самолете ЯК-50. Это я и выложил Николаю Ивановичу во время одного из наших вечерних разговоров.

– Так вы пилот? – удивился Николай Иванович. – Я сам мечтаю стать пилотом, но работа в посольстве очень важная. Граф Игнатьев не отпускает меня на фронт, говорит, что умельцев стрелять из пистолета и скакать на коне пруд пруди, а людей, разбирающихся в том, как нужно снабжать армию материальными средствами – единицы. С какой же скоростью летает ваш самолет ЯК-50?

– Самолет не сильно быстроходный. Обычная скорость 320 километров в час, но может выжать и 420 километров час, движок слабый, всего 360 лошадиных сил.

Николай Иванович был просто поражен:

– Таких самолетов сейчас нет. Это фантастика. Самый современный самолет «Ньюпор-ХI» имеет максимальную скорость у земли до 150 километров в час. Вы сможете освоить такой самолет? Вы будете самым знаменитым летчиком. Давайте я вас устрою в летную школу или в действующую эскадрилью. Вы будете российским волонтером. Во Франции любят русских. Наша стрелковая бригада успешно сражается с немцами здесь, во Франции и командование надышаться на нее не может. И русский летчик во французской армии! Вы свободная птица и никто не сможет вами руководить. Как я вам завидую!

Мне и самому хотелось полетать на самолетах этого времени, но одно дело летать в аэроклубе, получая команды по радио от инструктора, который дает советы по пилотированию. Я почти год занимался аэродинамикой, изучением самолета, сидел в тренажере, прежде чем вылетел вместе с инструктором на «спарке» и только потом меня выпустили в самостоятельный полет.

Я, конечно, могу еще раз крутнуть кольцо, но куда я попаду? С кольцом нужно экспериментировать осторожно, двигая его чуть-чуть, а то можно очутиться в палеозое и убегать от челюстей динозавра, не зная, какой на дворе год и сколько и куда крутить кольцо. И второе, а как это будет выглядеть с моральной стороны? Как только зашел вопрос о войне, так сразу в кусты? Это же прямое дезертирство. Незнакомый человек меня принял, мне поверил и я, как свинья, исчезну в самый ответственный момент. Я хоть и современный человек, но вопросы чести не чужды и мне. Ладно, поживем здесь, посмотрим, я же историк и должен изучать различные исторические эпохи.

Глава 6

Вечерами мы долго разговаривали с Николаем Ивановичем. Я ему рассказывал о том, как мы живем в моем времени, а он, как мальчишка, заворожено слушал меня и даже в темноте я видел восторженное сияние его глаз.

Я щадил моего собеседника и рассказывал только о том, что происходило с 1960 года. О том, что было раньше и о перестройке не говорил. Не все мои современники могут спокойно говорить о тех временах, когда без войны решался вопрос существования в России.

Без всякой идеологии выходило очень гладко. В 1961 году наша промышленность и наука достигли такого развития, что мы запустили в космос первого летчика-космонавта майора Гагарина. Затем еще многие наши летчики летали в космос, производя военные и научные исследования. Американцы запустили свой космический корабль к Луне и первый человек, американец, ступил на поверхность Луны.

– Не может быть, – восхищенно говорил Николай Иванович, – неужели наша Россия достигла такой степени могущества. Я всегда верил, что России уготовано великое будущее, лишь бы не было никаких революций и великих потрясений. Да, мы аграрная страна, но мы можем параллельно развивать и промышленность, и науку. А как ко всему этому относится царь?

– А царя нет, – просто сказал я. Все равно об этом пришлось бы когда-то говорить. – Царь отрекся от престола сразу после окончания вот этой войны.

– Как отрекся? – закричал капитан. – Этого не может быть! Вы обманули меня, вы русский революционер и я, столбовой дворянин, у себя приютил революционера.

– Николай Иванович, я не революционер, – стал объяснять я. – Я даже могу вам сказать, что и в 1961 году русские офицеры носят такие же погоны, как у вас. Просто у нас нет флигель-адъютантов, а чин капитана соответствует чину майора и на погонах два просвета и одна большая звездочка.

– А сколько звездочек у подполковника? – сразу появился военный интерес моего слушателя.

– Две звездочки, – сказал я, – а у полковника – три. И у генералов погоны с золотым шитьем в виде зигзага.

– А как с дворянским вопросом? Как с вопросом землевладения? – посыпались самые насущные вопросы.

Мне приходилось любыми способами уходить в сторону от этих вопросов и переходить к технике, потому что любое слово о переменах в России сразу покажет, что революционеры разделили все население России на врагов, которые подлежат обязательному уничтожению, сочувствующих врагам и прочих, чье нахождение на территории России крайне нежелательно. Рассказывать об этом, все равно, что заранее морально уничтожать русских людей, которые находятся на войне и еще не знают, какая кровавая судьба им уготована.

Я лежал и молчал, как будто я уснул и думал, что все революционеры – это кровожадные ацтеки и индейцы майя, которые готовы пролить реки крови для собственного счастья...

Глава 7

Николай Иванович заручился поддержкой военного агента графа Игнатьева и мое прошение о принятии на службу волонтером-пилотом пошло по инстанциям в министерстве обороны Франции. Французская бюрократия оказалась несколько короче нашей, и я быстро получил назначение в одну из авиационных эскадрилий.

В эскадрилью я пришел как готовый пилот, и сразу был подвергнут летному испытанию. Я не буду описывать самолет «Ньюпор», это все равно, что описывать отличия «харлея» от велосипеда 1945 года выпуска.

Я только попросил показать, как заводится двигатель. Оказалось, что очень просто. Когда помощник раскручивает винт, нужно нажать кнопку замыкания магнето и толкнуть вперед сектор газа. Какая-то аналогия с простейшим лодочным мотором. Также дергаешь веревочку, чтобы раскрутить маховик и магнето начало вырабатывать искру, и в этот момент нужно открыть дроссельную заслонку для увеличения подачи топлива. Мотор чихает и заводится.

С мотором работает моторист. Летчик только летает. Панель приборов никакая. Датчик уровня топлива, датчик уровня масла. Все. Остальное определяется на глазок. Да, есть еще воздушная заслонка, чтобы увеличивать или уменьшать поток воздуха на двигатель. Я заглянул во все уголки самолета, чтобы представлять себе систему управления и поразился тому, насколько там много деревянных деталей и насколько же непрочна эта конструкция, обтянутая перкалем.

Что меня еще поразило, так это отсутствие привязных ремней. Я слышал, что во время вынужденных пируэтов в воздухе некоторые летчики просто выпадали из своей кабины. Отдельные из них успевали зацепиться за что-то, добраться до рычага управления, выровнять самолет и спастись, но некоторые летчики просто падали вниз.

Я походил по ангару и нашел веревку, которой и привязал себя к простенькому сиденью для пилота. Интересно, не оторвется ли кресло вместе со мной. А, будь, что будет. Все равно, парашюта нет, а я не любитель прыгать с парашютом. За бутылку помощник инструктора в аэроклубе поставил галочку, что я совершил один прыжок. Я же не парашютист, а летчик.

С рулежкой по аэродрому я справился успешно, посмотрел на «колбасу» и пошел на взлет. Скорость была небольшая, но самолет легко взлетел, едва я взял ручку на себя.

Я быстро нашел точку равновесия как на велосипеде и полетел ровно, не рысая. Легкий самолетик подбрасывало на воздушных потоках, но мотор работал ровно и самолет слушался руля. Я помахал крыльями, сделал маленькую «коробочку» и вдруг свалился в «штопор». Этого я просто не ожидал, и мои судорожные движения делали «штопор» более крутым. Где-то в подкорке пронеслись слова инструктора: «если самолет не слушается, перестань им управлять, он сам полетит так, как ему надо». Я убрал ноги с педалей и отпустил рычаг управления. О, чудо! Самолет сам вышел из штопора и перешел в горизонтальный полет. Не хило. Я снова набрал высоту, разогнал самолет на снижении и попробовал сделать полуупетлю. Получилось. И я удержался в кресле, то есть кресло с веревкой удержали меня. Нужно найти какой-то широкий ремень, потому что веревка слишком сильно врезалась в меня. Я достаточно легко и плавно приземлился, и подрулил к штабному домику.

Командир эскадрильи подошел, посмотрел на меня и сказал:

— Летчика определяет его полет, а не бумажка, где написано, что он пилот. Все видели ваш полет, и все могут подтвердить высокий класс подготовки. От имени командования Франции я вручаю вам знак пилота нашей эскадрильи и белый шарф. Добро пожаловать в строй, мой мальчик.

Приятна такая оценка моих летных достижений, но я еще не был в бою. Как я там поведу себя? Смогу ли перебороть себя и вступить в схватку с врагом?

В 1915 году на самолеты уже начали устанавливать пулеметы Льюиса, и был сделан синхронизатор, чтобы выстрел происходил в момент, когда лопасть винта открывала ось ствола пулемета. Мы тренировались в стрельбе из пулемета с рук по привязанному на веревке тряпичному шару, стараясь почувствовать пулемет. Сделали и тренажер. На доску закрепили пулемет. На доске лежит пилот. Два человека двигают в разные стороны конец доски, создавая иллюзию полета, а пилот должен поразить одиночно висящий тряпичный шар. Упражнение трудное, но нужное для воздушного боя.

Каких-то прицельных приспособлений авиационного типа не было, но я определил параллель от прицельной линии пулемета по линии от моих глаз до ветрозащитного щитка. Там я краской нарисовал несколько концентрических кругов с перекрестием. То есть я, сидя в самолете и глядя в нарисованный круг, знал, куда направлен ствол пулемета, и мог стрелять достаточно прицельно.

Сравнительно быстро я научился стрелять и из выданного мне револьвера «лебель». Это тоже оружие летчика. Когда кончатся патроны в пулемете, семь патронов в нагане могут помочь добиться победы.

Глава 8

Ночь перед первым боем. Об этих ночных много написано. И возвышенного. И не возвышенного. Кто-то пишет письма. Кто-то сочиняет стихи, а потом, если поэт погибает, эти незатейливые стишкы объявляются феноменом современной поэзии, все композиторы перекладывают их на музыку в виде томных романсов или задушевных песен. Правильно кто-то говорил, не помню точно кто, но что при жизни человеку трудно добиться известности и что у себя дома всегда с открытыми ртами слушают иностранцев.

Честно говоря, и у меня перед первым боем было такое же ощущение как перед операцией по удалению аппендицита. Вот придут санитары, сделают успокоительный укол, голого положат на каталку, накроют простыней и повезут в операционный блок. Там обмажут йодом, обколют новокаином и разрежут, рассказывая тебе анекдоты о том, почему в парикмахерских кошки терпеливо сидят около каждого мастера.

– И почему? – спрашиваешь ты.

– Сидят и ждут, когда на пол упадет свеженькое ухо или нос, ха-ха, – рассказывают тебе концовку.

Потом человек засыпает и неизвестно, проснется он или нет. Так и бой: неизвестно, вернется человек из боя или нет.

Я так крепко спал, что проспал сигнал подъема и прибежал посыльный солдат, чтобы разбудить меня.

– Ты проспал подъем в день первого боя, – изумился командир эскадрильи, – ну и нервы у тебя. Ты, возможно, еще хочешь и позавтракать?

Я был голоден и с удовольствием позавтракал. Съел яичницу с куском жареной колбасы, ложкой выхлебал стакан густой сметаны и выпил чашку кофе. В хорошем настроении и с сигаретой во рту я появился в дверях столовой. Все летчики стояли и смотрели на меня.

– Ты что делаешь? – возмутился командир. – Перед боем нельзя есть. Вдруг пуля попадет в живот и тебя не смогут спасти.

– Извините, мон капитэн, – сказал я, – лучше быть сытым, чем потом с болью вспоминать, что ты мог хорошо позавтракать и не стал завтракать.

Смех летчиков был ответом на мои слова. Я не собирался делать что-то нарочно, но снял напряжение у всех молодых летчиков. Опытные пилоты только рукой махнули на меня, что с меня взять – русский!

Нам поставили задачу прикрыть войска в районе реки Марны от бомбардировок «цепеллинов». Дирижабли сопровождали истребители. Мы должны были преодолеть их сопротивление и атаковать огромные летательные аппараты. Взлетали парами. У меня на руке были мои старенькие часы Nokia и огромный туристический компас в медном корпусе, чтобы можно было ориентироваться в воздухе. Район боевых действий мы предварительно изучали по карте и ориентировались по шоссейным дорогам и по линии реки Марны.

Кое-кто смеялся надо мной, но я стал привязываться подпругами от кавалерийских седел. Сыромятные ремни могли выдержать десятка два таких же парней, как и я, но ремни хранили мою жизнь. Некоторые летчики, глядя на меня стали делать так же. Это потом уже введут обязательное привязывание летчика к сиденью.

«Альбатросы» атаковали нас первыми. Можно сказать, что они неслись на нас, но мне, привыкшему к огромным скоростям, казалось, что они медленно подбираются к нам. Каждый летчик воевал индивидуально. Я перешел в набор высоты и, будучи выше противника, обстрелял своего противника. «Альбатрос» был скоростнее «ньюпора». У нас максимальная скорость 135 км/час, а у «альбатроса» почти 150 км/час. Есть разница? Есть. У нас один пуле-

мет, а на немецком самолете два пулемета «шпандау» калибра 7,92 мм. Нам помогала более высокая маневренность полутороплана и точность стрельбы пилотов.

После обстрела я пролетел мимо своего противника и, пока разворачивался, увидел, что он пристроился мне в хвост, поливая меня пулями из двух пулеметов. Нужно уходить, но он меня догонял. Снова сделал полупетлю и оказался в хвосте «альбатроса». Чувствовалось, что мой противник просто не понял маневра и лихорадочно озирался, смотря, куда я мог улететь. В привязанном виде я мог делать фигуры высшего пилотажа, а он не мог, и, вообще уже можно было делать и «мертвую петлю», ссылаясь на русского капитана авиации Петра Нестерова. Кто проверит? Пусть проверяют, к этому времени он уже сделает свою мертвую петлю или подтвердит, что он уже теоретически ее разработал. Я никогда не прицеливался так тщательно. Я летел несколько под углом к своему противнику и с близкого расстояния выпустил длинную очередь. «Альбатрос» задымил и пошел вниз. Чем быстрее он долетит до земли, тем больше вероятность, что летчик успеет спастись.

Сегодня у меня нет зла к тому пилоту, с которым я воюю. Просто война. Но я знаю, что его дети придут на мою родину грабить и убивать ни в чем не повинных людей, завоевывая себе «лебенсраум». Я знаю, что мы их победим и даже заберем себе источник германской агрессии – Восточную Пруссию, назвав ее Калининградской областью. И бывшие наши союзники Америка и Англия сразу же после победы станут теми, кем они были всегда – злейшими и смерtnыми врагами России. В России падет коммунистический режим, но американское НАТО будет собирать всю Европу, чтобы окружить и уничтожить Россию. И Русина подтвердит свою прополяченную сущность, встав в ряды тех, кто стремится к уничтожению России. И я, воюя в рядах французской армии, тоже нашего будущего врага, защищаю интересы моей России из 1915 года.

Глава 9

В том бою я сбил два «альбатроса». Бой продолжался всего лишь пятнадцать–двадцать минут, но мне показалось, что прошла целая вечность. Наша эскадрилья сбила четыре самолета, потеряла трех летчиков и вынудила «цепеллин» приземлиться в полосе между французскими и немецкими окопами, где он и был уничтожен полевой артиллерией, а каркас и оболочка были расташены обеими сторонами для своих окопных нужд.

Мы могли находиться в воздухе не более двух часов. Полчаса до места боя, полчаса обратно, двадцать минут на бой и еще должен быть запас горючего на всякий случай. Мы возвращались победителями. Был бы триумф, но мы потеряли трех наших товарищ. Отдав дань их памяти, мы пошли в столовую. Жизнь продолжается. Меня наградили бронзовым Военным крестом с мечами и лавровой ветвью, показывающей, что приказ подписан командующим армией. Давно воюющие летчики приняли меня в число ветеранов. Скоро мне пришлось заниматься с молодыми летчиками. Учить их стрельбе из пулемета на наших «тренажерах», привязываться к креслу, на руках показывать прием ухода от противника полупереворотом и выход в район его хвостовой сферы.

Благожелательное отношение ко мне в эскадрильи было обманчивым. Как волонтеру мне чаще всего пожимали руку за мои новые победы и поощрительно похлопывали по плечу. Обыкновенное отношение за границей к русским. Краем уха я слышал разговоры о том, что русским никогда не стать настоящими европейцами и наше предназначение всегда быть на подхвате у Европы.

Мои боевые товарищи «обмывали» боевые ордена, гордились своими победами, хотя по числу побед уже в новом 1916 году я стоял на первом месте, но моей фамилии не было на грифельной доске, где отмечались вылеты и победы. Правда, в канцелярии все заносилось в мою летную книжку.

Однажды во время боевого вылета мой самолет перестал слушаться руля. Мы еще не вступали в соприкосновение с противником, а я уже летел на неисправном аэроплане. Судя по всему, обрыв правой тяги вертикальных рулей. Совершая круговой полет влево, я потихоньку посадил самолет на поле. Так и есть. Причем интересный обрыв, начало которому положили плоскогубцы. Кто-то надрезал тягу.

У меня, как у любого русского автомобилиста или техника под сиденьем всегда есть что-то, что поможет устраниТЬ неисправность, не ожидая пока прибудет ремонтная бригада. Так и у меня нашелся моточек стальной проволоки, молоток, пассатижи. С помощью проволочных скруток я восстановил целостность тяги и снова взлетел, догоняя своих товарищей. Я видел, кто больше всего был удивлен моим возвращением в строй, но не показал вида: бросить тень подозрения легко, но нет никаких доказательств.

О неисправности я доложил командиру эскадрильи. Сказал, что это было умышленное повреждение боевого самолета, и попросил усилить охрану именно моего самолета.

— Почему вы считаете, что именно ваш самолет требует усиленной охраны? — спросил командир эскадрильи.

— Господин капитан, только у моего самолета случаются такие поломки, которые являются следствием чьего-то злого умысла, — и я рассказал о количестве обнаруженных мною и исправленных повреждений, чтобы не пропустить боевой вылет.

— Хорошо, мы подумаем над этим вопросом, — сказал капитан и с этого времени диверсионные вылазки в отношении моего самолета прекратились.

На меня обратили внимание только тогда, когда германское командование объявило, что сбивший меня летчик будет сразу награжден высшим воинским орденом «Пур ле мерит».

Военные корреспонденты устремились в нашу эскадрилью, чтобы узнать, как они пропустили французского аса, который так сильно насолил бошам.

Только благодаря журналистам мне было присвоено звание лейтенанта французской армии, и я был награжден орденом Почетного легиона. Орден мне вручал сам маршал Франции Фердинанд Фош. Ему было уже 65 лет, но это был самый знаменитый человек в Антанте, за выдающиеся заслуги ему будет присвоено звание фельдмаршала Англии и маршала Польши.

Я стоял на большом ковре в его кабинете, а маршал с любопытством оглядывал меня.

— Сынок, — сказал он, — я внимательно смотрю на всех русских, приезжающих во Францию, вступающих во французскую армию или в Иностранный легион и никак не могу понять, как такие ребята как вы смогли разбить непобедимую армию императора Наполеона, сжечь свою столицу и милостиво обойтись с Парижем. Мне просто хочется предупредить любого императора, который захочет воевать с Россией — эти ребята победят любого, кто пойдет на них, но уже не будут церемониться с побежденной столицей. Я очень рад, что Россия наш союзник, а не враг. Иди сюда, я обниму тебя.

После этого мне был вручен указ президента Франции о награждении меня офицерским крестом ордена Почетного легиона и приказ маршала Фоша о присвоении мне звания лейтенант. Маршал приколол новый орден рядом с Военным крестом, отошел назад посмотреть, ровно ли приколоты ордена, и только после этого пожал мне руку. Присутствовавший фотокорреспондент сделал два снимка и один из снимков я видел в «Фигаро». В коммунистической «Юманите» я был назван русским революционером, скрывающимся от русских властей. Мне даже пришлось давать опровержение, что я не имею никакого отношения к революционным организациям России и в армию поступил по рекомендации русского военного агента.

Я взял полагающийся мне отпуск и поехал в Париж на знакомую мне квартиру Николая Ивановича. С моим благодетелем мы встретились как старые друзья. Я его поздравил с новым чином подполковника, а он меня с новыми наградами.

— Я читал о ваших подвигах, — сказал он, — и старался не дать разрастаться слухам в российской колонии. Если честно сказать, то любой запрос в Россию даст ответ, что такого человека списках граждан Российской империи не числится, и что прикажете с вами делать? Арестовать и препроводить в распоряжение третьего Его императорского величества отделения для разбирательства по личности. А что вы там скажете? И кто вам в это поверит? Сейчас вы герой и офицер французской армии. И вы можете обратиться с прошением о французском гражданстве. И вам его предоставят. Вы везде можете представляться как французский гражданин, благо и язык ваш почти не отличается от истинно французского. Вы способный ученик, но скажите мне, вы почувствовали мелодию французского языка?

— Не обижайтесь, любезный Николай Иванович, — сказал я, — но мне до сих пор не нравится французский язык. Возможно, мне нужно в кого-то влюбиться, чтобы понять мелодию любви в этом языке.

— Так влюбляйтесь же, черт вас возьми, — сказал подполковник. — Весь Париж у ваших ног. Любая дама почтет за счастье висеть на вашей мужественной руке. И имя ваше — Владимир — владетель мира...

— Николя, я подаю чай, — раздался обворожительный голос. В комнату вошла дама лет двадцати с небольшим, в белом платье с кружевами и с пышно взбитой копной русых волос.

— Наталья, представляю моего друга Владимира, — сказал Николай Иванович, — нашего соотечественника и героя, а вам, Владимир, я представляю свою сестру Наталью, приехала ко мне в гости, чтобы отдохнуть от военных передряг в России.

Я встал и поцеловал маленькую руку с длинными музыкальными пальцами, чуточку покраснев от смущения. Такой же румянец появился на щеках Натальи.

— Так, — сказал Николай Иванович, — а чего это вы оба покраснели? Смотрите не влюбитесь друг в друга. У меня совершенно другие планы на твое замужество. И не вздумай верить ни одному слову этого красавчика во французской военной форме.

Николай Иванович улыбался, но в его глазах ясно читалось: не береди сердце моей сестре. Ты исчезнешь так, как и появился, а она будет всю жизнь страдать, вспоминая нечаянную встречу в военном Париже.

Я понимающие кивнул ему и весь вечер старался не оказывать особых знаков внимания его сестре и в последующие дни даже и не пытался появиться в районе их проживания, перебравшись в неплохую гостиницу, благо у меня скопилось достаточно количество полетных денег.

Глава 10

Стук в дверь прервал мои размышления.

Прибывший портье сообщил, что в холле меня ожидает женщина.

Я вышел в гостиничный холл и увидел Наталью.

– Почему вы не появляетесь и почему вы исчезли без всяких объяснений? – гневно сказала девушка. – Неужели вы считаете, что я недостойна вашего внимания?

Она присела на диванчик и заплакала.

– Успокойтесь, пожалуйста, Наталья Ивановна, – сказал я. – Я действительно тот человек без роду и племени, который совершенно не достоин вашего внимания. Да вам же братец ваш, Николай Иванович, вероятно, предостаточно рассказал обо мне, чтобы вы не обременяли ум своей мыслями обо мне.

– Ничего он мне о вас не говорил, – сказала девушка. – Сказал, что вы его друг, а Николенька с плохими людьми водиться не будет. А вы герой и я вам не понравилась.

– Что вы! Вы мне очень понравились, только вот..., – замялся я.

– Что только? – насторожилась Наталья.

– Вы мне очень нравитесь, но давайте этот разговор мы продолжим сразу после окончания войны. Я приеду в Россию, а вы будете меня ждать. Вы согласны меня ждать? – спросил я.

– Да и завтра я уезжаю, – сообщила девушка. – Я хочу, чтобы время до отъезда вы были у нас. И Коленька вас просит.

– Хорошо, подождите меня, я только возьму свое кепи, – прикоснулся я к ее руке.

Через день мы посадили Наталью Ивановну на пароход, и она южным путем отправилась в Россию.

Больше я ее никогда не видел. Можно сказать, что я ее обманул, а можно сказать, что я ее и не обманул. Я просто успокоил девушку. Мы все влюбляемся внезапно и всегда не в самое подходящее для этого время. Я и так нарушил все мыслимые правила поведения в своем прошлом, ввязавшись в войну, убивая людей и уничтожая технику. Если мне удастся вернуться к себе в свое время, то линия событий, в которые я вмешался, может изменить и действительность. А может и не изменить. Да я и сам уже изменился. Я уже не смогу быть тем балбесом, который учится для получения высшего образования и совершенно не знает, чем он будет заниматься после окончания института. Я все-таки решил по-серьезному заняться изучением истории.

Еще через несколько дней я вернулся в свою часть. За эти две недели в эскадрильи появились новые летчики и погибли некоторые мои старые друзья. Снова продолжилась моя боевая жизнь. Боевые вылеты, воздушные сражения, вылеты на разведку или на свободную охоту. У меня не было каких-то вызовов на дуэль, но я знал, что за мной идет охота, был осторожен, но все же попался в капкан.

Во время свободной охоты я встретился с таким же одиноким «альбатросом» и вступил с ним в схватку. Соперник мне достался не особенно отважный и после первой же моей атаки он постарался уйти от меня, но к концу 1916 года «Ньюпор-17» не уступал в скорости германским самолетам и я стал нагонять противника. Я не заметил, как из низких облаков вынырнули еще три «альбатроса», и они вчетвером вцепились в меня. Что мне пришлось вытворять в небе, чтобы остаться в живых. «Иммельманы», «петли», «бочки» следовали одна за другой. Я боялся, хватит ли прочности самолета, но он выдержал. Я сбил один самолет, серьезно повредил другой, сам получил пулю в руку и множество перкалевых полосок струились по крыльям моей машины. На последних каплях бензина я добрался до своего аэродрома. Так мы познакомились с новым тактическим приемом «засада», которую впоследствии применяли и сами.

Рана оказалась не очень опасной, но заживала достаточно долго. Для поправки здоровья я получил командировку во французскую военную миссию в России и поехал на родину для поправки здоровья и встречи с родственниками.

Февраль 1917 года встретил меня достаточно теплой погодой, отречением царя и огромным слоем шелухи от семечек на улицах Петрограда. Императорская Россия погрузилась в пучину демократии и покатилась по наклонной плоскости, не зная, кто она такая, какая у нее цель, и кто должен управлять новым государством.

Везде создавались советы и комитеты. Не Россия, а какая-то Франция на закате эпохи Людовиков.

Отменили чины и звания. Я был свидетелем, когда боевой штабс-капитан с офицерским «Георгием» и крестиком «Владимира» с мечами был избит солдатней за то, что отказался снимать свои погоны. Подойдя к нему на помощь, я увидел, что это мой дядя. И он тоже узнал меня. Я помог ему добраться до французской военной миссии и расположил в отведенной мне комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.